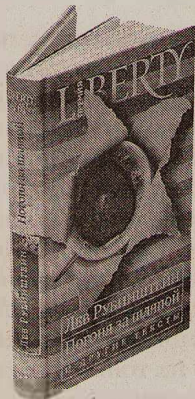

Рубинштейн Лев
(1926)

19.11.04
244

Обаятельный Рубинштейн

Известия - 2004 - 19 нояб. - с. 22

Николай Александров

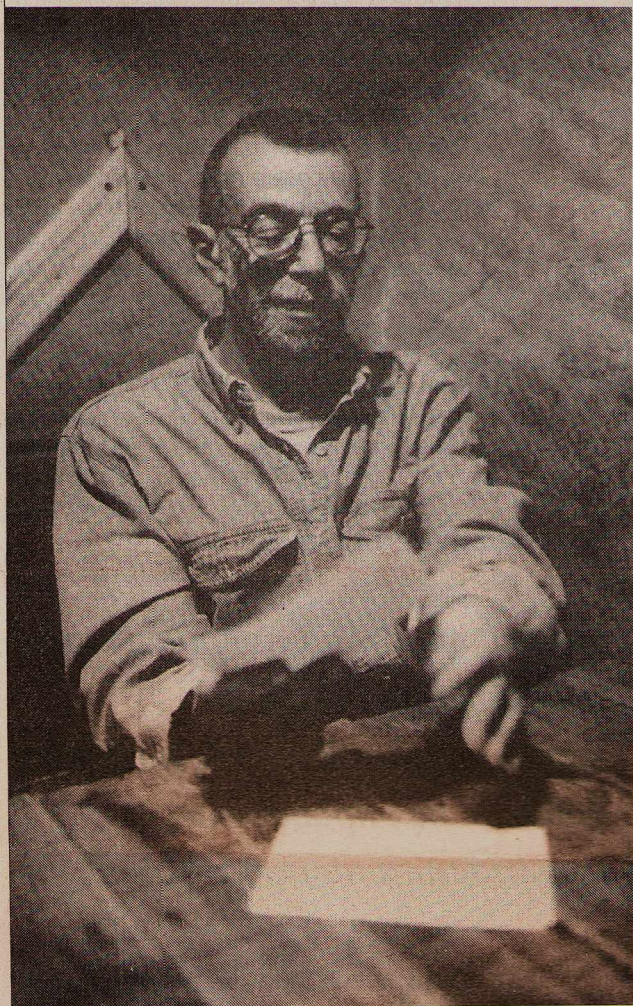
НОВИНКА

Это уже не первая книжка небольших эссе и очерков поэта Льва Рубинштейна. Несколько лет назад был опубликован небольшой сборник «Случаи из языка». «Погоня за шляпой и другие тексты» по существу его продолжение.

Не так давно, вступив на поле журналистики, Лев Семенович начал писать прозаические тексты, назначение которых обыкновенно — служить сиюминутным чтением. Что и есть функция периодической печати. Впрочем, довольно быстро стало понятно, что произведения Рубин-

штейна именно произведения, «нетленка», так сказать. Лев Семенович не стал журналистом. Зато стал Рубинштейном журналистики. Он выступает не как колумнист или фельетонист, и уж никак не как обозреватель или корреспондент. Он — Рубинштейн. Он рассказывает коротенькие истории, анекдоты, делится воспоминаниями, речевыми казусами. Иногда по случаю — жаркая погода, например, стоит или, напротив того, Новый год приближается, — иногда и без всякой формальной привязки. И получается изящно и смешно. Что здесь важнее — изящество или юмор — не знаю. Одно связано с другим. А еще получается удивительная коллекция или каталог вещей и слов, бытовых мелочей, реалий, прошлого и настоящего. Сами по себе они могут быть незначительны — как куколка Петя, или бельевая метка, или финский унитаз. Хотя последний в советскую эпоху дефицита был как раз весьма значителен и респектабелен (собственно, об этом и текст). И вещи, и слова оставляют разную память по себе (от финского унитаза, например, остается только замечательное выражение «большая кала», которое употребил пришедший его чинить сантехник), и разный срок жизни им отведен. Но как бы то ни было, это и есть приметы времени, которые зачастую говорят о прошлом (и о настоящем тоже) гораздо больше, чем серьезные исследования, монографии и статьи. Скажем, в коротком эссе про кофе («Кофейная кантата») или в очерке о кинотеатрах — целая история советского интеллигентского быта, причем гораздо более содержательная, нежели многие рассуждения о быте, нравах и нравственных ценностях. Хотя не это главное. Странно сравнивать художественный текст с публицистикой, хотя бы потому, что публицистика подразумевает отстраненность, безличную холодность. Публицист, даже самый горячий и темпераментный, выступает не просто от своего лица, а с позиций общих, глобальных, существенных. Он трибун, которому делегировано слово других, дано право на высказывание. А в текстах Рубинштейна всегда личный взгляд, разговор частный, почти интимный. Он рассказывает о школе и учителе по фамилии Тепленький, или однокласснике по фамилии Стклянкин, или о том, как мама наряжалась Дедом Морозом и было ее жалко, как вообще было жалко родителей, вспоминает поездку на дачу или размышляет о велосипеде в своей жизни. Здесь нет ни обвинений, ни назидательности. Зато есть живой и внимательный взгляд на мир. Взгляд веселый и не циничный. И замечательный тон доверительной беседы. Рубинштейн хорошо рассказывает. И рассказчик он обаятельный. Впрочем, это давно известно.

Лев Рубинштейн. Погоня за шляпой и другие тексты. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 256 с.

Тексты Льва Рубинштейна — каталог бытовых мелочей, реалий прошлого и настоящего